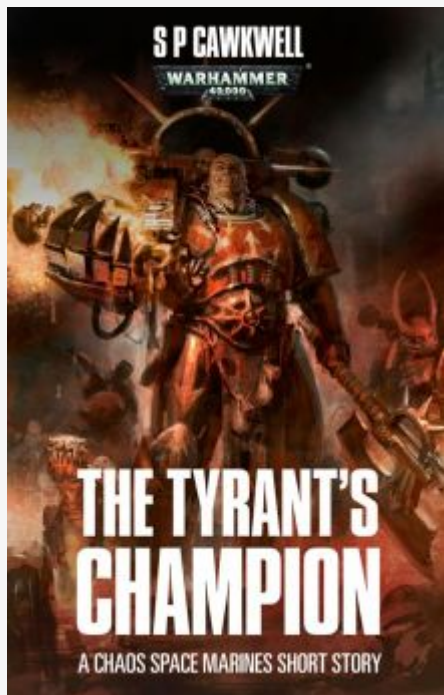

Чемпион Тирана / The Tyrant`s Champion (рассказ)

Чемпион Тирана / The Tyrant`s Champion (рассказ)

Автор	Сара Коквелл / Sarah Cawkwell
Переводчик	Йорик
Издательство	Black Library
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

- Ворен.

Голос, звавший его по имени, едва проникал через пелену концентрации. Воитель уже много лет занимался медитациями, позволявшими ему надолго отстраняться от раздражающего присутствия своих соратников.

Конечно, пока что ему не удалось прийти до совершенства в этом искусстве, что крайне раздражало воина. Само по себе наличие изъянов было для него анафемой, нарушением всех базовых принципов. В конце концов, он ведь был легионером, одним из Детей Императора. Но это было так давно. Уже много

десятилетий он сражался в битвах в осквернённых доспехах, выдававших в нём одного из Красных Корсаров.

Ворен знал, что он никогда не был «подданным» Гурона Чёрное Сердце, Тирана Бадаба. Он предпочитал думать, что решил *предложить* свою службу Тирану и, увидев возможность доказать своё превосходство, ухватился за неё. Однако он не был готов к неотёсанности, грубости всего бандитского сброда, составлявшего основные силы армий Чёрного Сердца. По большому счёту они вызывали в нём отвращение, как физически, так и духовно. Они сражались с такой беспечностью, что, если бы не необыкновенный стратегический талант Гурона, то, по мнению Ворена, все Красные Корсары погибли бы ещё во время битвы за Терновый Дворец. Поэтому он предпочитал отстраняться от остальных, намеренно казаться чужим, вызывая неприязнь и недоверие других воинов. Но это не заботило сына Фулгрима. Он не нуждался ни в братстве, ни в товариществе бестолкового быдла. Поэтому он занялся медитацией, позволяющей держать в узде свои чувства и направлять вечно тлеющий гнев во что-то более полезное.

- Ворен! - воин хорошо знал голос, доносившейся с открытой арки, входа в его обитель. Это был голос Илкона, одного из немногих Красных Корсаров, которых он начал хоть немного уважать. Вынужденный сражаться с ним бок о бок на поле боя Ворен неохотно признал, что на свой простой лад Илкон обладал мастерством. Конечно, в их отношениях не было дружбы, но Ворен был умён и одарён примечательным коварством. Он видел в Илконе потенциального союзника. Всем своим видом выражая растущее раздражение, воин Детей Императора поднялся и посмотрел на вход. С потолка некогда прекрасного зала сыпались хлопья скалобетона, крошечные напоминания о кишевшей вокруг разрухе. Хотя Ворен и стоял вдали от обломков, но всё равно стряхнул с одежды невидимые шепотки пыли, а затем недовольно посмотрел на Илкона.

Два воина были абсолютно непохожи друг на друга. Илкон, как и большинство его братьев-корсаров, был приземистым и широкоплечим, а на его покрытом шрамами и ожогами лице застыла насмешливая улыбка. Говоря, он проводил по коротко стриженной голове мозолистой рукой. Ворен же был весьма примечательным: высоким, выше большинства легионеров, и стройным и поджарым, несмотря на генетически усиленные мускулы. Хотя его кожа и осталась белой как мрамор, на ней за время долгой и более-менее славной жизни появились следы ран - сморщенные шрамы, такие же как у Илкона. Но если тот был похож на громилу, то шрамы Ворена нисколько не омрачали его лица, когда-то считавшегося привлекательным, резко очерченного и угловатого.

Когда-то воин Детей Императора тщеславно отращивал львиную гриву призрачно-белых волос, но с тех пор по совершенно практическим причинам начал стричься коротко. Четверть его черепа вместе с правым глазом заменила сталь. Теперь он сверлил мир взглядом аугментики, ради забавы выбрав тонкий и холодный, как лёд, надменный синий оттенок. Оптический прицел тихо зажужжал, наводясь на Илкона.

- Чего ты хочешь? - даже сам голос Ворена был весьма мелодичным и приятным на слух, таким непохожим на звериное рычание других воинов.

- Тиран вернулся, - ответил ему Илкон. - И его Чемпион мёртв.

Его доспехи были древними, даже более древними, чем он сам. Они были древними ещё тогда, когда он впервые заполучил их, давным-давно, когда он ещё был воином легиона Детей Императора. Комплекты

бережно хранимых силовых доспехов передавались через поколения воинов. Ворен знал всех предыдущих обладателей брони, ведь имя каждого из них было написано на нагруднике. Он сам прошёл через этот ритуал более века назад, выгравировав имя своего бывшего капитана. Однажды этот комплект достанется другому воину, и тогда имя самого Ворена вырежут на керамитовой пластине, чтобы его увидели все. Так его будут помнить вечно.

Истинное сердце доспехов было всё ещё различимо сквозь красные оттенки, в которые их перекрасил Ворен. Когда-то пурпурно-розовый цвет был погребён под багрянцем и чернью, как того требовал Тиран в качестве доказательства верности ему. Впрочем, в тщательной перекраске доспехов и заключалась некая эстетическая красота, ведь Ворен выбрал массу разных оттенков, от пронзительно алого цвета для шлема до сапогов, словно вымазанных в застывшей крови. Он провёл рукой по безупречно отполированной поверхности, ведя пальцами по линиям плавных гравировок, имён бывших хозяев доспехов. Да, он был и всегда будет истинным сыном Фулгрима.

Ворен, один из горстки воинов, спасшихся от истребления в битве за Грегорас Прайм, едва добрался до относительной безопасности Зеницы Ада. Захваченный им спасательный челнок был таким же покорёженным и разбитым, как и находившиеся внутри воины, и в его корпусе зияли пробоины. Воистину, лишь благодаря совместным усилиям демонов удачи и случая Ворену вообще удалось выжить. Признав мастерство Детей Императора, Гурон Чёрное Сердце предложил ему помощь аптекариев в обмен на службу. Ворен охотно согласился, ведь он не спешил в объятия смерти. Лишь потом, придя в себя от лихорадки и подумав покинуть Мальстрим, воитель осознал, на что подписался. Ценой продолжения его жизни и гостеприимства Тирана стала присяга ему на верность.

Впрочем, в конечном счете, сделка устраивала обоих. Гурон Чёрное Сердце получил ценного союзника, а Ворен - выход снedaющей его жажде битв. Он неохотно признавал, что цена того стоила.

Илкон проводил его до оружейного зала и, когда Ворен позволил сервиторам заключить его в древнюю броню, поведал удивительно приятную историю о падении Таэмара в битве за Гильдарский Разлом. Сквозь звуки плотно закручивающих сверкающий керамит машин сын Фулгрима с искренним вниманием слушал разносящиеся слухи о некогда уважаемом чемпионе владыки Гурона, про которого теперь травили байки выжившие в битве воины. И Таэмар, и Ворен разделяли проклятие бытия чужаками среди Красных Корсаров. И именно это наполняло теперь Ворена столь надменной уверенностью, что Тиран весьма вероятно выберет следующим чемпионом воина Детей Императора. Сервиторы отступили, закрутив последний винт, и воитель расправил плечи, приветствуя знакомую тяжесть доспехов, окружающих тело. Он шагнул вперёд и взял свой отточенный меч. Конечно, Ворен превосходно управлялся с любым клинковым оружием, но всегда утверждал, что топоры для дикарей, а цепное оружие - слишком грубое и лишённое изящества. Если бы не осталось другого выбора, он бы сражался и топорами, но не рассказывал об этом так любящих их Красным Корсарам. А праздное высокомерие мастера было именно тем, что давало ему желанную дистанцию.

Излюбленным оружием Ворена была традиционная спата с прямой кромкой, превосходно выкованное оружие с прекрасными гравировками на рукояти и вдоль клинка. Конечно, когда он присоединился к Красным Корсарам, выбор такого оружия заслужил ему неприязнь, но неоспоримое мастерство быстро заткнуло рты клеветникам. Для этого потребовалось всего-то обезглавить двоих глупцов и почти выпотрошить третьего.

В битве Ворен предпочитал сражаться в одиночку, ища то, что считал идеальным мгновением для воина: смертельной схватки с достойным врагом. Он искал такого поединка веками, но так и не нашёл ничего удовлетворительного.

Когда-то Ворен командовал отделением, но здесь звание сержанта не значило ничего. Судя по всему, Красные Корсары докатились до того, что стали ордой грабителей, неспособной удержать вертикаль власти. Во время вторжений или абордажных боёв они слушались своих предводителей, но если их возглавлял не Гурон и не один из его избранных, корсары были обычным сбродом.

Когда-то Таэмар пытался отдавать Ворену приказы, но был встречен холодным и – с точки зрения бывшего легионера – совершенно оправданным презрением. И теперь его предположение доказала смерть Таэмара. Тирану требовался воин, способный стать его Чемпионом. Такого мгновения Ворен и ждал. Он внимательно рассматривал своё отражение в потрескавшихся, но тщательно отполированных стенах оружейного зала. В них он выглядел жутким, кошмарным существом в керамитовых доспехах. Трещины и вздутия на стенах искажали его внешность, но это было неважно. Заглядывая в самую суть, Ворен видел именно то, чего желал.

– Совершенство, – сказал он. В своём отражении Ворен видел смотрящего на него нового чемпиона Гурона Чёрное Сердце. Поселившаяся в нём уверенность была подобна закалённому железу и абсолютно непоколебима.

И путь к тронному залу несколько не ослабил решимости Ворена. Они шли по грязным коридорам некогда великой звёздной крепости, за годы пришедшей в жуткий упадок. Оголённые и рваные провода вздрагивали и сыпали искрами, некогда чистые стены теперь потемнели, побурели от потоков крови и иных бесчисленных телесных жидкостей. На поверхностях оставили следы-шрамы и битвы – там была рваная дыра от цепного оружия, прошедшего мимо цели, тут – шероховатый обгорелый след выстрела болтера.

Красные Корсары никогда не переставали сражаться даже после налётов. Стремясь проявить себя, они бились друг с другом, не заботясь о том, что их окружает. Тех, кому не доверяли, они могли просто избить до смерти, а затем бросить тело в проходе, где оно валялось целыми днями, пока туда добирались уносившие их сервиторы.

С этим резко контрастировал тронный зал самого Тирана Бадаба, сверкавший великолепием и красотой, несмотря на зловещую ауру и изувеченное тело хозяина. В отличие от словно забытых и обветшалых коридоров, здесь царила безупречная чистота, и даже при слабом освещении Ворен видел это различие и наслаждался эстетической целостностью замысла.

Обширный зал казался пустым, Ворен видел лишь пятерых представших перед Тираном воинов, но он знал, что поблизости и другие Красные Корсары. После их прибытия Илкон отошёл и теперь стоял где-то в тених на краю вместе с бесчисленными другими разбойниками, пришедшими на сходку.

Всякий раз, когда Ворен был так близко к Гурону, что случалось редко, он поражался тому, насколько окровавленным и израненным выглядел тиран, который словно только что вышел с поля боя. Его тело было выжжено, разбито и по большей части заменено металлическими механизмами. Пусть Красные Корсары этого и не замечали, но Ворен видел в тиране лишь разум, удерживаемый в теле с помощью превосходной аугментики и неусыпного внимания. Даже сейчас сервиторы-аптекарии суетились вокруг, обслуживая казавшуюся бесконечной паутину проводов, питавших Гурона питательными веществами и болеутоляющими. Они словно муравьи копошились вокруг Тирана, заботясь о нуждах его тела без колебаний.

Позади трона стоял владыка Гарреон, Повелитель Трупов. Худощавый старший аптекарий безразлично

надзирал за стаей адептов и сервиторов, а затем повернул свои тёмно-жёлтые подозрительные глаза к собравшимся воинам. В его мимолётном взгляде Ворен заметил следы пренебрежения и неодобрения.

Ворен знал всё о других претендентах. Он всегда считал своим делом познать врага, особенно того врага, который сражался в армии вместе с ним. Страому не суждено далеко пойти. Ах, какой же он твердолобый идиот... Ворен находил личную гигиену Красного Корсара, а точнее её полное отсутствие, одной из самых омерзительных вещей, которые когда-либо видел.

Прямо слева от Ворена стояли Шеар и Феддей, близнецы, чьё мастерство в битве вошло в легенды. Или, с усмешкой подумал Ворен, в выдуманные *ими самими* легенды. Да, они были достаточно способными воинами, но слишком полагались друг на друга.

Дальше всех от него стоял молодой воин по имени Долос, о котором Ворен знал раздражающе мало. До сих пор он был для него лишь ничем не примечательным лицом в толпе. Даже противный Страом показал себя в бою, чем привлёк внимание Ворена. Бывшего воина Детей Императора раздражало, что ему было известно так мало о потенциальном сопернике...

- И что же заставляет вас думать, что я собираюсь назначить нового чемпиона? - голос тирана был невнятным, словно пьяным, голосовые связки пытались протолкнуть слова через металлические зубы. - Я нахожу вашу самонадеянность весьма занятной...

Холодным безразличным взором он оглядывал собравшихся воинов. Ворен стоял прямо как стрела, и встретил взгляд Гурона дерзко и горделиво. Безгубый рот дёрнулся, усмехаясь.

- Ах, Ворен, - скрежещущим голосом обратился к нему Тиран. - Надменный павлин среди нас, простых птиц, - в тенях разнёсся смех, и Ворен собрался с силами, не желая, чтобы отражение как-то изменило его лицо. - Что заставляет тебя считать себя достаточно важным для меня?

- Моя верность вам, владыка Чёрное Сердце, - без раздумий ответил Ворен. - Я служил вам уже много лет и служением вновь и вновь её доказал. Вы знаете мои способности. Вы знаете моё мастерство. Я - единственный воин, который сможет заменить Таэмара.

- Назначение Таэмара было ошибкой, мой господин, - ну конечно, Страом. Только этот трижды проклятый идиот мог столь бесцеремонно влезть в разговор и продолжить, не видя появившегося под левым глазом Гурона угрожающего тика. - Зря вы выбрали его, а не одного из своих воинов.

Гурон посмотрел на него тем же ничего не выражающим взглядом.

- Вижу, - мрачно произнёс Тиран и безрадостно усмехнулся. - Поверь, что я запомню твой совет, Страом. Благодарю тебя, что ты так раскрыл мне глаза.

- Он не был Астральным Когтем, - воодушевлённый словами Гурона глупец продолжил сдирать коросту с раны. - Пусть он и облачился в цвета Красных Корсаров, но в сердце он так и остался Палачом. Вам следовало бы выбрать одного из своих воинов.

По лицу Ворена расплылась медленная улыбка. Он не ожидал, что судьба так скоро избавит его от соперника. Ворен смотрел, как тиран встаёт с трона и делает три шага вперёд. Провода, прикреплявшие его к машинам, питавшие его изломанное тело оздоровительными веществами, вырвались из гнезд. Один, глубоко погружённый в основание черепа, остался на месте, словно пуповина. Другие обвисли, словно ослабевшие щупальца, и наружу потекла жидкость. Там, где она соприкасалась с воздухом, жидкость испарялась, превращаясь в вонючий пар, в облако, клубившееся вокруг Тирана. Чёрная слизь

проступила на разъемах, откуда вырвались провода, и сгустилась, потекла по голой коже Гурона. Строам сделал невольный шаг назад. Ворен же с интересом наблюдал за представлением. Он видел, к чему всё идёт, и злорадно предвкушал финал.

- Ох уж твой длинный язык, Строам, - Чёрное Сердце зарычал, брызжа слюной. Он вырвал оставшуюся трубку из шеи и подошёл к своему воину.

- Мой лорд, вам нужно больше. Вам нужно... - худощавый Повелитель Трупов попытался вмешаться, но один лишь резкий взмах свободной руки Гурона заставил его умолкнуть.

- Ты не достоин быть ничьим чемпионом, - продолжил Тиран. - Ты вообще едва заслужил право стать одним из моих воинов. Вновь и вновь ты мнил себя достаточно умным, чтобы указывать на мои ошибки, но ведь я жив... - из горла Гурона вырвался глубокий, хриплый смешок. - До сих пор я терпел твои грехи, ведь от тебя был прок на поле боя. Но мне есть кем тебя заменить.

Огромные силовые когти, заменявшие тирану правую руку, загудели от прилива энергии, и прежде, чем Строам хотя бы подумал, что нужно себя защитить, когти Чёрного Сердца рассекли доспехи и туловище неудачливого космодесантника одним свирепым взмахом. Затем Гурон отвёл руку и вновь ударил, пронзив оба сверкающих открытых сердца воина. Глаза Строама расширились, вылезли из орбит в дебильном предсмертном взгляде, достойном такой идиотской смерти, и он несколько секунд просто пялился на своего господина, а затем издал булькающий вздох. Тиран опустил сверкающие когти, позволив умирающему воину соскользнуть на пол, и пошёл обратно к трону. Вновь сев на него посреди клубов кровавого пара, Гурон повернулся к ожидающим его решения претендентам.

- Вам хватило духу предстать передо мной, и я знаю вас всех и каждого, - зловещим завораживающим голосом обратился к ним тиран. - Я знаю все ваши силы, ваши слабости, ваши способности и ваши желания. Шеар и Феддей, близнецы. Единокровные братья, сражающиеся как единое целое.

Две одинаковых бритых головы уважительно кивнули. Различить схожих во всех отношениях близнецов можно было лишь по разным шрамам.

- И Долос, чья слава как поединщика-дуэлянта уступает лишь твоей славе как стратега. Ты считаешь себя достойным этой чести?

Насмешка в голосе Тирана, перечислявшего претендентов и их предположительно сильные стороны, была явственно слышна. Она вгрызалась в уши Ворена, но он не позволял ничему отразиться на лице. Нужно слушать. Нужно получить любое преимущество, быть внимательным к деталям.

- Да, мой господин, - спокойно ответил Долос, не дрогнув перед суровым взглядом Гурона. Он шагнул вперёд и ногой оттолкнул труп бывшего боевого брата.

Наконец, Чёрное Сердце посмотрел на Ворена. Его рот вновь судорожно дёрнулся, улыбаясь.

- И Ворен. Даже рождённый иной кровью, чем я и мои братья. Тебя привёл сюда случай. Что же заставило тебя остаться?

- Честь, мой господин. И понимание вашей решимости и амбиций.

- Я вижу, - Гурон усмехнулся, стирая со рта закапавшую слюну. - И что же чужак может знать о моих амбициях?

Его взгляд метнулся в сторону мёртвого Строама. Намёк был ясен. Поэтому Ворен тщательно выбрал

следующие слова.

- Вы хотите собрать легион, владыка Гурон. Армию столь великую и ужасную, что она сломит всех рабов Империи. Мы... - он тут же исправил себя, не сбившись со слова, - вы пронесётесь через системы, возвращая Галактику её законным хозяевам. Какой истинный воин не захочет стать частью столь великого замысла?

Гурон немного подался вперёд, словно собираясь встать с трона. Ворен не дрогнул.

- Мой господин. Вам нужно сидеть. Нам нужно продолжить процедуры, - в этот раз голос Повелителя Трупов не допускал возражений, и Чёрное Сердце, внимательно посмотрев на Ворена, лениво махнул рукой. Когда адепты и сервиторы вновь засуетились, подсоединяя обратно трубки, он кивнул.

- Вам четверым хватило дерзости предстать передо мной, считая себе достойными стать моим чемпионом. Да будет так! - он посмотрел в тени за спинами претендентов. Его ужасно изувеченное лицо скривилось в подобии улыбки. - Испытания начинаются.

Тихий фоновый шум на задворках сцены тронного зала сменился перешёптываниями.

- Объясни нашим... рьяным воинам, на что они подписались, Гарреон.

- Как пожелаете, мой господин, - Повелитель Трупов выступил вперёд. В полумраке его лицо выглядело особенно призрачным и жутким. - Те, кто хочет занять положение чемпиона Тирана, должны встретиться друг с другом в сердце станции. Когда вы покинете тронный зал, вас сопровождают ко входу в зону, известную как Сдвиг.

Совершенная бровь Ворена изогнулась. Сдвиг? Он слышал об этом месте, но считал, что там проводятся казни. Он точно не ожидал, что там будет место испытаний.

- Когда четверо из вас войдут в Сдвиг, то вы войдёте со знанием, что уйти сможет лишь один. Вы можете взять своё излюбленное оружие и свои доспехи. Всё остальное зависит только от вас. Это испытание не просто вашей воинской доблести, но также хитрости и рассудка. Эта традиция была установлена нашим господином Чёрное Сердце много лет назад, и нет лучшего пути заслужить его благосклонность и положение чемпиона, чем победа в состязании.

- Состязании? А каковы правила?

Вопрос, заданный Долосом, вызвал прошедшую по комнате волну насмешливого хохота. Повелитель Трупов поднял руку, призывая к молчанию.

- Я буду считать это жалкой попыткой развеселить нас, а не проявлением твоего невежества, Долос. Здесь действуют лишь два правила. Первое - любые союзы, которые вы заключите во время пребывания в Сдвиге, должны быть разорваны прежде, чем вы его покинете.

- Союзы друг с другом?

- Любые союзы. Там, внизу, есть существа, с которыми вы сможете договориться ради выживания.

Ворен прищурился, отметив для себя, что слово «существа» может значить всё, что угодно.

- Когда вы выйдете наружу, победив в состязании, вы должны поклясться в верности мне и *только* мне. Что-то отличное от абсолютной верности неприемлемо, - закончил Тиран. Его слова стали смазанными,

неразборчивыми. Судя по всему, накачиваемые в него через змеящиеся шланги химикаты начинали сказываться. – Второе правило гласит, что выйти должен только один. Это всё, что вам нужно знать.

Большая часть Зеницы Ада была загадкой даже для самых бывалых воинов Чёрного Сердца. Огромный бывший звёздный форт типа «Рамилис» издавна служил центральным узлом операций тирана в Мальстриме, но поговаривали, что даже сам Кровавый Пират знал лишь часть его тайн.

Сдвигом называлась часть звёздной крепости, находившейся в самом сердце Мальстрима, в месте, где тонкая пелена между варпом и реальностью была натянута до предела и её могла прорвать малейшая ошибка, малейший просчёт. Остальную часть Зеницы Ада защищал от затаившихся ужасов прочный барьер, выкованный из пластали и укреплённый берегами от вторжений. От служивших Гурону псайкеров, будь то люди или же сверхлюди, ожидалось, что они будут проводить часть своего времени в необходимых для сдерживания варпа обрядах и иных действиях.

Но, несмотря на вездесущую угрозу, определённые части Сдвига были достойны освоения, и Тиран охотно пользовался ими. Где лучше проводить испытания воинов, чем в месте, где истекает варп? Ради них береги поднимали на время, достаточное для входа. Ради выжившего чемпиона их поднимали вновь, впуская его внутрь.

Несмотря на своё положение Красного Корсара, жилистый аптекарий казался хрупким, маленьким среди облачённых в полные доспехи воинов. Сам факт, что их вёл Повелитель Трупов, являлся особой честью, ведь когда Гурон Чёрное Сердце находился в Зенице Ада, он редко выпускал Гарреона из виду. Пока они шли, аптекарий не говорил ничего, позволяя воинам думать и размышлять, а это у Ворена получалось превосходно.

Сгущающийся вокруг запах был первой вещью, которую он заметил, когда они углубились в сердце Зеницы Ада. Едкая, тошнотворная вонь складывалась из запахов крови, гнили и бесчисленных иных мерзких субстанций. Ворен помедлил, не желая надевать шлем, наслаждаясь наполнившими чувства ароматами. Чем глубже они спускались, тем сильнее становился запах, пока рассудок не одолел странное желание. Ворен надел шлем, тихо закрепил его на месте и позволил фильтрам убрать из воздуха пьянящий смрад.

Так глубоко в Зенице Ада износ был сильнее и заметней. Местами со стен была сорвана облицовка, обнажившая металлические кости крепости. То тут, то там на обвисших петлях висели двери, раскачиваясь на призрачном ветру.

Отряд шёл всё дальше, всё глубже и глубже в столь изношенные отсеки, что Ворен искренне обрадовался надетому шлему. Освещение практически отсутствовало, и, хотя Ворен смог бы видеть и без улучшающего зрения визора, авточувства не являлись лишними. Повелитель Трупов шёл с открытой головой, но ни разу не сбился с шага.

В конце длинного коридора они остановились перед очередным люком, абсолютно чистым и новым. Гарреон подошёл к нему и начал вращать колесо, пока не раздалось тихое шипение. Дверь раскрылась внутрь, и Повелитель Трупов махнул рукой, указывая туда. Претенденты вошли одним строем в комнату, круглую, лишённую колонн и совершенно пустую. С любого места можно было видеть всё. Видеть каждый шаг, оценивать любую угрозу. Направляемые Гарреоном воины заняли свои места. Ворен отметил, что поверхность покрывал тонкий слой пыли и песка, в котором каждый шаг оставлял следы. Казалось, что комнату не использовали уже много лет.

- Я не собираюсь унижать себя, желая вам удачи, - проворчал Гарреон. - Но потрудитесь проявить себя, когда войдёте в Сдвиг. Тирану не нужны слабаки.

С этими словами он вышел из комнаты и закрыл за собой люк. Звук закрывающегося замка был ясно слышным, как и удаляющиеся шаги Гарреона.

Все присутствующие носили шлемы, но Ворен был уверен, что всё равно сможет их легко различить. Так, Долос выделялся узором из зарубок и царапин на броне. Он всегда предпочитал ближний бой, что сказывалась на его доспехах. Но, что возможно было смешно, даже повреждения брони близнецов совпадали с точностью до удара. Даже в доспехах Ворен не мог не отметить их одинаковости. Кто из них кто? Он не видел различий. Совершенно одинаковые тепловые показатели, одинаковые позы. Ничто не отличало их друг от друга. Ворен криво усмехнулся. А какая разница? Убил одного, убил другого. Все они теперь были лишь добычей.

Он оценивающе окинул соперников взглядом. Без сомнений близнецы, как бы низко он о них не думал, были большей угрозой. Ворен подозревал, что если представится ситуация, то им не хватит духу убить друг друга. Они часто воспевали достоинства своей близости и братства... Да, такую слабость воин Детей Императора охотно использует при первой подвернувшейся возможности.

Ворен позволил взгляду проскользнуть по стенам высокого сводчатого зала. На них были написаны слова, и он пригляделся. Нет... не просто слова. Имена - тех, кто побывал здесь до них. Эти имена останутся здесь навсегда, как и на его доспехах. Со сверхчеловеческой скоростью Ворен огляделся. Насколько он знал, а знал он не очень много, эти имена принадлежали лишь бывшим чемпионам. Очевидно, что они возвращались сюда после завершения испытания, чтобы отметить победу. Да. Вот закорючка Таэмара.

Он представил, как выходит, торжествуя, и вырезает своё имя на железобетонной стене, и его уверенность воспарила к новым высотам.

Время шло. Так говорил его внутренний хрон. Это подтверждало его чувство нетерпения. Время шло, но ничего не происходило. Он огляделся вокруг и на мгновение ощутил тревогу, поскольку другие стояли совершенно спокойно. Подавив это ощущение, он начал идти вдоль стены, ведя руками по гладкой поверхности.

- Ты ищешь путь внутрь? - навстречу ему направился один из близнецов. - Зачем?

- Нам сказали войти в Сдвиг. Я собираюсь так и поступить. Можешь стоять здесь, сколько хочешь, словно дурак, я же хочу проявить себя.

- Ах, какое прямодушие, сын Фулгрима, - заговорил другой близнец. - Какое прямодушие и незнание истины.

Теперь к нему двигался не один из них, а оба, в разных направлениях, словно беря Ворена в клещи. Лишь Долос остался на месте. Он стоял так неподвижно, что его можно было принять за статую.

- И в чём же истина?

- Войти в Сдвиг - первая часть ритуала. Это царство Хаоса и беспорядка. Оно принимает тех, чьи сердца бьются в унисон с его беглым ритмом.

Ворен вынул из ножен клинок и кивнул.

- Значит, мы сразимся здесь. Жаль, что ты так и не увидишь, что таится внутри.

- Его догадки и высокомерие так забавны, не правда ли, Шеар? - эти слова выдали близнецов. Ворен повернул свою голову к Феддею, говорившему. - Мы стремимся проявить себя перед владыкой Чёрным Сердцем. Неужели ты думаешь, что сначала я не избавлю себя от самой опасной угрозы? - его крадущаяся походка стала ещё более хищной, агрессивной. Ворен ощутил, как напрягаются мускулы в его теле, готовясь к неизбежной схватке. Она так и не началась. - Выживают сильнейшие.

С этими словами Феддей бросился на Ворена, вскинув болт-пистолет. Ждавший такого хода Ворен шагнул в сторону и пригнулся, готовясь нанести размашистый удар. Действия Феддея были жалкой, неуклюжей атакой, и сын Фулгрима уже приготовил язвительное замечание... Но оказалось, что он поспешил с выводами. Когда сила рывка понесла его вперёд, Феддей спустил курок пистолета. Массреактивный снаряд ударил Шеара в наплечник, и тот пошатнулся. А затем снаряд взорвался, и грохот разнёсся по всему залу, превратившись в гротескное эхо.

Ворен ощутил, как подступает старый голод: гонящая его жажда битвы, желание ощутить схватку. Голод преследовал его постоянно, как низших людей желание пить и есть, и звук выстрела напряг все мускулы в геноусиленном теле воина. В сжатые, напряженные связки хлынул коктейль стимуляторов, но Ворен остался на месте, призвав весь свой самоконтроль.

Да, он не ожидал, что близнецы вот так просто нападут друг на друга. Независимо от итогов схватки, они окажут ему услугу, однако следующий из этого вывод, что он - не самый опасный, оскорблял чувства Ворена так, как ничто из услышанного им за годы.

Братья сражались с яростью, которую обычно берегли для врагов, и итог мог быть только один. Верхним взмахом силового топора Шеар нанёс своему брату сокрушительный удар по шлему, расколовший керамику. Челюстная пластина пролетела по воздуху и с лязгом рухнула на каменный пол зала. Феддей устоял, а его противник занёс оружие для нового удара.

Долос же до сих пор удерживал позицию, хотя Ворен и заметил, как изменилась поза Красного Корсара, выдавая такую знакомую готовность к бою.

Смертоносная голова топора впиалась в шлем оглушённого воина. Ворен услышал характерные звуки мягкой плоти, разрываемой гудящим силовым полем клинка, и треск костей, когда оно соприкоснулось с черепом Феддея.

Он застонал от боли и рухнул на колени. Брат ударил его кованым сапогом, и раненый воин с грохотом покатился по полу. Кровь текла из разбитого керамика, скапливаясь в лужу. Близнец вновь поднял топор, готовясь нанести смертельный удар.

- Выживают сильнейшие, - тихо повторил Шеар. - Ты разочаровал меня, братец.

Но прежде, чем топор опустился, раздался скрежещущий звук. Древние механизмы пробудились. Пол под Вореном резко сдвинулся, отчего воины потеряли равновесие. Ворен покачнулся.

- Что... - начал он, но его вопрос заглушит очередной негармоничный скрежет, а затем очередной рывок, от которого по костям прошла дрожь.

- Сдвиг, - наконец, заговорил Долос. - Он готов принять нас.

Желая наконец-то выйти на боевую арену и закончить этот жалкий ритуал, Ворен огляделся вокруг в

поисках открывающейся двери.

А затем пол под ним исчез, и он рухнул в никуда.

Само падение было недолгим, но приземление оказалось жёстким и неожиданным. Несмотря на свою улучшенную физиологию и крепкое тело, Ворен задохнулся, воздух выбило из лёгких. В падении шлем оказался безнадежно повреждён. Ни в визоре, ни в динамиках не было ничего, кроме треска помех, и потому воитель сорвал его с головы и отбросил. Он тяжело поднялся на ноги и поднял меч.

Где бы он ни был, здесь было темно, и он был один. Вокруг не было ни следа остальных, что полностью устраивало Ворена. Его нервные окончания и мускулы всё ещё вздрагивали от текущих по венам химикатов, но он оставался собранным. Сделав глубокий вдох, Ворен направил своё внимание на то, что происходило вокруг.

Когда он полностью пришёл в себя, комната вокруг словно стала сгущаться. Даже без авточувств всё казалось каким-то красноватым. Ворен решил было, что весь Сдвиг залит кровью, и поднёс перчатку к голове. Никаких ран. Нет, кровь не залила его глаза. Нет, сказал он себе. Показалось.

Но медный запах крови здесь был. Он висел в воздухе. Ворен настороженно принюхался. Запах напомнил ему аптекарион после битвы, когда обрабатывали раны. Мысли и пробуждающиеся воспоминания вызвали в теле дрожь удовольствия, которое Ворен охотно принял, позволяя ему направить себя. Смерть была близка. Смерть, которую он принесёт. Он алчно облизнул губы и сфокусировался.

Он стоял в маленькой комнатушке, едва ли достигавшей малой части той, из которой он вышел. В тёмном и заплесневевшем уголке валялась груда человеческих костей. Они были слишком маленькими для космодесантников, и Ворен ощутил, как невольно кривятся в усмешке его губы. Здесь, несомненно, были существа, которых следовало усмирять, и Чёрное Сердце по своему обыкновению использовал для этого сектантов. Тиран Бадаба не был щедрым господином, раздававшим направо и налево награды, а отправка сюда уж точно не была вознаграждением.

Ворен позволил своим пальцам легко обхватить рукоять оружия и сделал пару шагов вперёд. Единственным слышимым звуком были его тяжёлые шаги, отдающиеся дрожью по комнате, и собственное дыхание, усиленное даже без шлема. Он подошёл к стене и застыл, заметив, как она потекла от прикосновения, словно пористая губка, поддающаяся под напором. Протянув руку, Ворен надавил, и его пальцы погрузились в поверхность по костяшки. Он немедленно убрал руку, а затем надавил мечом.

Ничего, лишь прочная стена.

Ворен замер у груды костей и пригнулся, подобрав берцовую кость. С неё всё ещё свисали рваные, гниющие полоски плоти. Воитель разжал пальцы, и кость рухнула на пол с глухим стуком. Конечно, Ворен понятия не имел, чего ожидать от Сдвига, но очевидно, что обитающие здесь существа кормились человеческой плотью. И он не сомневался ни на секунду, что они с наслаждением погрузят плоть и когти в Адептус Астартес.

Он пошёл вперёд и вышел из комнатушки в длинный коридор. Тяжёлые сапоги гремя по каменному полу. Вокруг не было ни следа трёх воинов, пришедших на состязание. Феддей вероятнее всего искалечен и выведен из игры, а скорее всего, просто мёртв. Удар Шеара был верным и наверняка

оборвал нить жизнь близнеца.

Шелест заставил его остановиться на полшаге и застыть словно статуя, прислушавшись. По большому счёту это был нечленораздельный лепет: свистящий шёпот на каком-то неведомом языке. Он подумал, что нечто мелькнуло в тенях, и обернулся.

Но там не было ничего.

Шёпот продолжался. Этот звук сводил с ума, и, хотя Ворен и не понимал слов, он прекрасно понимал, чем они пытаются его соблазнить.

Любые союзы...

Даже не имея возможности перевести, понять слова, он узнавал их. Такие же звуки всегда разносились по тренировочным палубам и оружейным залам на кораблях Детей Императора. Вечные обещания демонов очаровывали его, маня лучшей жизнью - лучшей судьбой, чем служение до сих пор смертному, пусть и, несомненно, избранному, воину из царства плоти.

Он решил, что у него ещё будет время на раздумья, и закрыл податливую к таким искушениям часть разума. Нужно держать себя в руках. Место чемпиона Тирана - его лучшая надежда в странном новом существовании.

Ворен шёл вперёд, но шёпот не оставлял его. Он лишь становился всё сильнее, обволакивая сына Фулгрима словно бесплотная дымка. Чувство, что это дымка было таким сильным, что он невольно протянул руку, желая отмахнуться. И латная перчатка встретила странное сопротивление, так, как если бы он проридрался ладонью сквозь смолу.

Внезапно он ощутил чьё-то приближение и резко обернулся, подняв меч. Шеар бросился на него, крича в гневе и ярости. Как и Ворен, корсар где-то бросил шлем. Два воина сшибились, загремев керамитом, и Ворена отбросило к стене коридора. Они яростно боролись, давя друг на друга изо всех грубых сил. Шеар был крупнее и сильнее, но сын Фулгрима - решительнее. Пошатнувшись, воины потеряли равновесие и покатались, не разжимая рук.

- Время умирать, петушок, - прохрипел Шеар. - Ты не поверишь, как давно я хотел это сделать.

- Шеар, да ты ведь ещё ничего не сделал, - ответил Ворен, вырвавшись из сильной хватки соперника. Он вскочил на ноги и легко вильнул в сторону от поднимающегося на ноги Шеара. - Мы только начали.

Они были в другой комнате, более-менее похожей на прошлую, если бы не отсутствие всепроникающего смрада давно засохшей крови. Здесь пахло застоявшимися химикатами, прометием и машинным маслом. Было так легко забыть, что когда-то Зеница Ада была звёздным фортом, полным ухоженных механизмов, тщательно обслуживаемых легионом светлых членов экипажа. А теперь стало чем-то иным. Местом схватки. Местом, где воины оттачивали свои навыки, готовясь убивать врагов.

Топор Шеара окутался энергией и, поскольку до Ворена ему было не дотянуться, Красный Корсар поднял его над плечом. Его походка была легка, быстра, но и сын Фулгрима не стоял на месте, не желая подставляться под удар. Всё это время он не отрывал взгляда от Красного Корсара, смотря, оценивая, ища изъяна в его технике, который можно было бы использовать.

- Сражайся, чтоб тебя! - выругался Шеар, явно раздражённый тем, что Ворен отступал. - Что останавливает тебя, сын Фулгрима? Ты боишься меня? Знаешь, что я более достоин награды?

Закряхтев от натуги, он направил весь свой вес на силовой топор и замахнулся на Ворена, легко ушедшего от неуклюжего удара.

- Я не боюсь тебя, Шеар.

- Тогда сражайся со мной.

Тогда сражайся со мной.

Эхо слов Шеара разнеслось по комнате, подхваченное невидимыми существами. Они повторяли его бесконечно, накладываясь друг на друга, сливаясь в единый пронзительный визг.

Тогда сражайся со мной. Сражайся со мной. Сражайся со мной. Со мной. Со мной. Мной. Мной. Мноймноимноимноймноимной!

Визг слился в вой, и Шеар отшатнулся от Ворена, сжимая уши руками.

Ворен ощутил боль, вызванную психическим криком, но даже не боролся с ней. Да, это было больно, но верные сыны Фулгрима находили в таких муках глубокое удовольствие. Шум продолжал нарастать, и Ворен ощутил, как из уха потекла струйка крови. Против психического напора такой силы ему было бы сложно бороться, а в голове нарастало жуткое напряжение. Скоро его голова так взорвётся, череп расколется, а клочья мозга забрызгают стены. Несмотря на боль, обещаемое таким опытом абсолютное удовольствие гнало Ворена, подталкивало его вперёд, ещё ближе к следующей ступени безумия, охватившего его десятилетия назад.

Шеар, неспособный справляться с резкими ощущениями так, как подобает Детям Императора, попятился, а затем подхватил топор и выбежал из комнаты. Выбежал, пройдя сквозь стену, словно её не существовало.

Голос Ворена поднялся до крика, который, как он был уверен, не был услышан в демоническом эхе.

- Трууус!!!

Крепче сжав рукоять клинка, он бросился на стену коридора. Почти мгновенно на него нахлынуло чувство дезориентации. Его восприятия сжалось и расширилось, пытаясь быстро придать реальный смысл факту, что теперь воитель стоял под углом в девяносто градусов к полу. Он остановился, слыша лишь собственное тяжёлое дыхание. Изломанная геометрия в новом помещении ранила его чувства - проходы, распахнутые словно зияющие пасти под невозможными углами, лестницы, ведущие к глухим стенам, и мосты, соединяющие открытые пространства сверху вниз и наизнанку. То была архитектура безумного разума, воплощённая в реальность и втиснутая в слишком узкое пространство.

Тогда же Ворен услышал далёкий *перестук*, топот ног, мгновенно напомнивший ему гнездо тиранидов. Он достаточно сражался с такими чудовищами, чтобы знать, какие звуки они издают, но откуда им было взяться здесь, в звёздной крепости Тирана Бадаба? Впрочем, Ворен всё равно напряг все мускулы своего тела и, глубоко дыша, заставил себя принять новое положение как истину. Верх стал низом, левое стало правым, и разум его медленно, но уверенно принял невозможную реальность своего нового положения. И, пока он постигал это, всё вокруг вновь будто становилось нормальным. Пол вновь становился полом, потолок - потолком. Короткая волна тошноты, незнакомой, непривычной сражавшемуся бесчисленные века Ворену, накатила на него, и он вновь сделал глубокий вдох.

Сбитый с толку неестественной, отрицающей законы физики реальностью этого богом забытого места,

Ворен не мог сориентироваться. Он пытался вырезать на стене символ и отметить путь, но тот рассеялся прямо у него на глазах. Он повернул направо на перекрёстке, но пришёл в невозможное место, где пути вели во все представимые стороны разом, в том числе прямо вверх и вниз. От постоянной странности Сдвига у него начала болеть голова.

Время от времени вещи нормализовались достаточно, чтобы ему удавалось продвинуться дальше. По крайней мере... так ему *казалось*. После того, что он увидел, Ворен больше не имел понятия ни о расстоянии, ни о направлении. Стены и потолки – там, где они встречались под естественными или хотя бы приемлемыми углами – были одинаковыми и тускло серыми, ничто не отличало один коридор от другого.

- Я *не* хожу по кругу, – сказал воитель, убеждая себя, и голос его в тишине прозвучал сильным и спокойным.

Шеара не было видно нигде, но теперь Ворен знал, что ожидать от него, труса и слабака, сбежавшего при первой проблеме. Он скривился, представив, с каким наслаждением покончить с этим ничтожеством.

А глубоко укоренившаяся жажда жестокости и насилия напоминала о себе вновь и вновь. Многие из его братьев получали удовольствие от неестественных совокуплений с порождёнными варпом существами или бесконечных пыток, причиняемых им и друг другу. Но Ворен чувствовал облегчение лишь в резне, в головокружительном приливе стимуляторов, захлёстывающем тело, когда он бился с врагом на поле боя.

Бегство Шеара лишило его возможности утолить свою жажду, и теперь гнев скапливался внутри. Он выследит Красного Корсара и выпотрошит его. Он рассечёт мягкую кожу на животе соперника и с огромным наслаждением вырвет все его внутренности своими руками.

Кровь текущая из уха понемногу остановилась теперь, когда пронзительный визг исчез, а барабанный бой сердец затих. Тогда же вернулся и такой привычный фоновый шум, вездесущий гул, который Ворен вскоре просто перестал замечать. Он даже находил его странно успокаивающим.

Вновь он услышал перестук лап тиранидов, насекомых или... *чего-то* ещё в темноте.

Не слушая голосов, обещавших ему бессмертие, Ворен шёл вперёд по багровому невозможному миру, в котором оказался. Одни стены поддавались, как уже увиденные им. Другие двигались на глазах, сталкивались, перекрывая проходы. Однажды он оказался в ловушке, в тесноте, когда стена опутала его словно петля, закрыв в круглой комнатушке, где негде было даже развести руки. Ворен сносил всё это стойчески, но безумие внутри него нарастало.

И он не видел ни следа своих соперников.

Они сговорились, чтобы избавиться от тебя, раздался навязчивый шёпот. Голос был ровным, но имел угрожающую подоплёку. Ворен ничего не ответил, но понял суть. В конце концов, возможно в этом было зерно истины. Паранойя обхватила его мысли холодными пальцами и не отпускала.

Ворен шёл дальше.

Через пятнадцать шагов в следующем коридоре рефлексы заставили его резко остановиться. Подошва сапога зависла прямо над распахнувшимся разломом, чёрной, непроницаемо чёрной ямой. Весь упавший внутрь свет исчезал, словно его пожирала тьма. Яма тянулась через весь коридор, и, хотя Ворен видел другую сторону, быстрая оценка расстояния и собственных способностей свидетельствовала, что

прыгать было нельзя. Он выругался и пошёл обратно, туда, откуда пришёл, держа перед собой меч.

Ещё через двадцать шагов пол под ногами начал крутиться и бурлить так, словно в ней возник гравитационный колодец. За считанные мгновения в нём оказался сам Ворен. Пытаясь вырваться из воронки, сын Фулгрима вцепился в стенки колодца и невольно выпустил из руки меч. Мгновенно подхваченная спата исчезла, сгнув в центре коварного поворота. Ворен грязно выругался, плотнее сжимая руки, но пальцы не могли найти опоры. Его затянуло в бесконечную тьму.

Он не мог измерить ни расстояние, ни скорость падения, но казалось, что он падает дольше. Мысль, что яма будет бездонной, и что он вечно будет падать в небытие, привела Ворена в ярость, и он ударил. Кулаки соприкоснулись с чем-то твёрдым, и он начал бить, вновь и вновь. Наконец, его керамитовые кулаки пробили бесконечную тьму, и воитель вывалился в другую комнату. Перед собой Ворен увидел лежащий на полу в паре шагов меч и направился к нему, стряхнув с себя железобетонные крошки так, словно ничего не произошло.

Ворен шёл. А что ещё ему оставалось делать? Его разум наконец-то совладал с переменчивой геометрией. Его разум больше не тревожили стены и полы, сгибающиеся и извивающиеся вокруг. Не тревожили его и длинные, бесконечные коридоры, постепенно закручивающиеся вверх, пока он не начинал идти вниз. Возникающие прямо под ногами ступеньки, несущие наверх, а затем сбрасывающие с большой высоты вниз стали ожидаемыми.

Ворен едва замечал аномалии. Он мог сконцентрироваться лишь на далёком звуке.

Перестуке.

Когтях, тщетно ищущих опору где-то вдали, достаточно близко, чтобы услышать, но недостаточно, чтобы расслышать. Свидетельство ужаса, ждущего его в конце всё более раздражающего, возмутительного путешествия.

Не было слышно ни следа, не было видно ни звука других претендентов. Во время путешествия через Сдвиг Ворена сопровождали лишь его собственные мысли и чувства, обострённые столь сильно, что сын Фулгрима чувствовал их напряжение. Поэтому его совсем не удивило нападение твари. Спустя удар сердца Ворен приготовился защищаться, так быстро он заметил опасность. И когда перед ним нависла туша существа, молотящего кулаками, он ответил без промедлений и раздумий.

Да, это было сложно назвать битвой. Ворен ощутил тяжесть разочарования уже тогда, когда его меч вонзился в ярёмную вену твари и глубоко впился, раздирая глотку, а затем вышел наружу, оставив напавшему существу вторую беззубую глотку под первой. Предсмертный крик был таким противным, жалким и негармоничным... Лишь когда тварь прекратила хныкать и рухнула на землю, лишь тогда Ворен подошёл ближе, чтобы осмотреть её. Существо, высокое как космодесантник, также обладало привычно развитой, разросшейся мускулатурой, натянувшей кожу – белую как алебастр, даже белее, чем у Ворена. Каждая вена ясно виднелась, и некоторые вздрагивали, когда последнее судорожное удары сердца твари выплёскивали кровь из страшной раны на шее. Присев над неподвижной жертвой, Ворен пригляделся ближе. В гнёзда под черепом были воткнуты бесчисленные провода, а весь затылок существа удалили, так что виднелся мозг – серая мясистая масса, судорожно дрожащая.

Ворен знал о таких существах. Слышал, как о них шепчутся Красные Корсары. То были существа, когда-то бывшие космодесантниками, но прошедшие через бесчисленные эксперименты Повелителя Трупов,

существа, больше не нужные Тирану на действительной службе, но полезные здесь, внизу, где они охотились на захватчиков или неосторожных. На свой извращённый лад и они были чемпионами...

Смерть стала свидетелем, что тварь эта была слаба. Она даже не сражалась, на её убийство не потребовалось никаких усилий. На мгновение в мыслях Ворена промелькнул стыд, вызванный жалкими стонами существа, но затем его выбросила ярость. Тварь ничем не ослабила его жажды убийств. Она была несовершенной, бесполезной – всем, что он *ненавидел*. Ворен вновь вонзил меч в уже расколотый череп и слабо улыбнулся, наслаждаясь треском костей.

Звуки выстрелов оторвали его от маленьких радостей жизни, и он вырвал клинок, а затем направился на шум. Он спотыкался на ходу, вечно меняющиеся коридоры Сдвига дёргались и шли волнами словно живые, словно они старались сбить его с равновесия и повалить на пол. Затем Ворен услышал впереди грохот битвы, манящий обещаниями славы, и вновь ощутил знакомый прилив сил. Он представил, как вскрыет шлемы убитых соперников и рассмеялся.

Он подобрался ближе на звук, сжимая рукоять меча. Долос стоял примерно в шести метрах от него и был втянут в перестрелку с невидимым врагом. Красный Корсар стоял спиной к коридору, и Ворен развлёк себя мыслью о том, как легко было бы пристрелить неосторожного воина. Но это было бы поступком труса, а Ворен никогда не считал себя трусом и гордился этим.

Долос вбил в болтер новый магазин. Судя по груде валявшихся вокруг пустых гильз, болтов у него осталось пугающе мало. По коридору вновь прогремел грохот ответного огня, и Ворен напрягся, пытаясь разглядеть, с кем или с чем сражался Долос. Он слышал странный шум, прорывающийся сквозь взрывы болтов: пронзительный визг, напоминающий двигатели «Громового ястреба» или тормозные ракеты на десантной капсуле непосредственно перед приземлением. Но кроме этого сходства он не мог вспомнить ничего, при всей своей вместительной эйдетической памяти. Словно вовсе не замечая Ворена, Долос продолжал поливать по невидимому врагу, стреляя из болтера на полуавтоматическом режиме. Болты проносились по коридору и с грохотом взрывались, попадая в цель, но стрелять он не прекращал.

Ворен пригнулся, желая понять, не встретится ли он сейчас с худшим врагом, если сейчас убьёт Долоса. Возможно, что ему стоит вернуться сюда, когда он расправится с Шеаром...

- Ворен! - окликнул его Долос. Он поднялся с колен и обернулся. Ворен вскочил, готовясь встретить его в бою, но затем остановился. Лицевая пластина шлема Долоса была сорвана начисто. Тёмные потёки стекали по щекам воина так, словно он плакал кровью, и со смесью умиления и отвращения Ворен осознал, что это и происходило. На месте его глаз зияли пустые глазницы: распахнутые чёрные дыры. Долоса ослепило то, с чем он сражался? Или же очевидное безумие заставило его вырвать собственные глаза?

Только представь, какое это было бы умопомрачительное ощущение, – зашептал голос в глубине души Ворена. – Представь, как ты будешь вырывать каждый глаз. Боль... очаровательная боль...

- Ворен! - вновь окликнул его Долос, разрушая совершенство мгновения. – Я знаю, что это ты. Я учуял твой запах.

Он прицелился в него из опустевшего болтера. Прицел был меток. Намерения Корсара были ясны.

- Не подходи ближе, брат.

- Я не твой *брат*, Долос. Я никогда им не был, – ответил Ворен. Пусть его соперник и ослеп, но вокруг него кружила аура безумия. Он угрожал Ворену опустевшим оружием, а цепной меч где-то потерял.

Спереди было видно, как плохи дела Корсара. В его красной броне были трещины и помехи, целые пластины исчезли, открыв натянутые мускулы. – Я – твой палач.

– Убери руку, сын Фулгрима. Не тебе наслаждаться смертью Долоса.

Новый голос раздался откуда-то из-за левого плеча Ворена. Не желая слишком долго отрывать взгляд от жалкого облика Долоса, Ворен покосился назад. Как он и подозревал, к нему приближался Шеар. Близнец, как и Долос, был ранен: засохшая кровь прочертила линию от раны в черепе по лицу, замарав бледную кожу багровыми пятнами. Всё более далёкий от реальности сын Фулгрима поразился резкому контрасту цветов. Багровое на белом. Так *прекрасно*...

– Шеар? – рука Долоса повернулась в направлении голоса собрата, а палец лихорадочно сжал спусковой крючок. Но ничто не вылетело из раскалённого добела ствола. Болты кончились. Он заметно содрогнулся, и Ворен увидел, как фонтан крови вырвался из живота Долоса, из раны слишком глубокой даже для его улучшенного тела. От такой раны Корсар медленно умрёт, особенно здесь, внизу, где никто не поможет...

Ворен не чувствовал жалости к умирающему космодесантнику. Его смерть была лишь ещё одной отметкой в череде причин, делавших его непригодным для положения чемпиона. Отступив назад, Ворен встал так, чтобы видеть обоих Корсаров. Шеар подошёл ближе к Долосу, и на его лице отразилось явное отвращение. Сын Фулгрима узнал этот взгляд. Свой взгляд.

– Брат... – странно, настойчиво повторил Долос. – Брат, прошу. Преуспей. Ради меня. Ради Феддея. Ради Тирана. Не поз... – слова сменились хрипом, а затем с губ беззвучно закапала вспенившаяся кровь, когда боевой нож Шеара глубоко погрузился в его шею. Лёгкий поворот клинка, и изуродованная голова Долоса покатилась по полу. Это могло быть убийством из милосердия, но дикий голод в глазах Шеара выдавали иную причину.

– Два есть, – сказал Корсар, презрительно отбрасывая голову прочь. – Остался один.

Перестук. Перестук. Перестук.

Внезапный пронзительный крик остановил их, и воины обернулись. Странной походкой на них надвигалось огромное существо. Тварь, демон, неудавшийся эксперимент... чем бы оно ни было, существо было ростом почти с них и казалось серым, как керамит.

Издаваемый им шум превосходно совпадал с тем, что раньше слышал Ворен. За ними пришло то, с чем сражался Долос. Инстинкты сработали без промедлений, и сын Фулгрима выхватил болт-пистолет и начал спокойно стрелять в надвигающееся существо. Через мгновения за ним последовал и Шеар, их сплотил общий враг. Болты впивались в тело твари, выбивая фонтаны красного тумана там, где они попадали в цель. Но тварь, словно и не замечая ничего, продолжала наступать.

А затем, так же внезапно, как и появилась, она распалась на части. Пол словно ожил и покрылся текущим, ползущим ковром, который, как понял Ворен, состоял из тысяч раздутых насекомых. Их было достаточно, чтобы покрыть весь коридор, оживший на глазах. Насекомые ринулись к голове и телу трупа Долоса, и начали вгрызаться в открытую плоть десятками крошечных ртов. В безмолвии, в котором они пожирали плоть на глазах у Ворена, было нечто ещё более зловещее, чем в любом жутком вопле. И здесь, пытаясь удержать равновесие на покрывшемся ковром из жуков полу, Ворен и Шеар сошлись в последнем поединке.

Ворена мучало то, что он не мог сказать наверняка, кто же из них является величайшим воином. Он не сражался с Шеаром в тренировочных клетках, предпочитая практиковаться на машинах, и теперь быстро понял, что Шеар был во всём ему ровней и даже, возможно, в чём-то лучше.

Под их ногами кишели насекомые, бесконечным потоком вливающиеся в коридор. Многие из них уже были раздавлены под подошвами сапог космодесантников, но на их месте уже копошились новые, выползающие из пола и стен. Вскоре воины бились уже по голень в море ползущих тварей.

Шеар где-то потерял топор в одной из схваток и теперь сражался лишь длинным боевым ножом. И в этом мечник находил нечто особенно возмутительное. Как этот выскочка, претендент на титул Чемпиона Тирана, осмелился насмехаться над ним? Он ударил, сжимая клинок обеими руками, даром, что меч был превосходно сбалансирован как одноручное оружие, и был вознаграждён, с удовольствием оставив порез на потемневшем лице Шеара. Выступила кровь, но затем рана сомкнулась, и она застыла от клеток Ларрамана.

Сражавшиеся воины кружили, пока Ворен не ринулся вперёд с яростным воплем на Красного Корсара. Однако внезапная атака не застала Шеара врасплох, и он легко сохранил равновесие. Меч и кинжал сшиблись, металл с грохотом ударил о металл, полетели искры.

И безумная геометрия Сдвига ничем не облегчала схватку. Из-за её постоянных изменений иногда они сражались нормально, а иногда били друг друга под невозможными причудливыми углами. Ворен пытался удержать в голове мысленную карту местности. Ему никогда ранее не приходилось сражаться на арене, перестраивающейся на глазах. Назвавший это место Сдвигом воин действительно попал в точку...

Шеар безжалостно наступал, вкладывая в удары все силы. Ворен был ловок и силён, но Шеар был во всём ему ровней, и само по себе это вызывало у легионера огромное неудовольствие. Он замахнулся мечом по кривой дуге, намереваясь рассечь защищавшие живот врага пластины брони, но Шеар отскочил, уходя от алчущего лезвия меча. С рёвом Ворен взмахнул клинком над головой, намереваясь обрушить его на открытое лицо Шеара. Он представил, с каким наслаждением рассечёт мерзавцу череп, и вновь закричал от гнева. Вновь заорав, легионер ударил изо всех сил. И когда Шеар не уклонился, когда его меч погрузился в череп, Ворен так удивился, что едва не потерял равновесие. Переполюнявшие его гнев, адреналин и решимость оглушали, и потому он смог лишь засмеяться.

Тупая усмешка разошлась по лицу Шеара, кровь хлынула у него изо рта. Он рухнул на колени и устался в никуда. Ворен медленно вынул меч, наслаждаясь каждым мгновением, чувствуя, как меч рассекает кости, и мёртвый космодесантник рухнул лицом вниз в поток насекомых. Рой тут же облепил новую добычу, а Ворен, шатаясь, направился прочь, прошёл через одну стену и врезался в другую, желая уйти от резни прежде, чем от него уйдёт навсегда рассудок.

Холодная логика опускалась на его плечи словно мантия величия. Они мертвы. Они все мертвы. Он победил. Он убил своих соперников. Теперь осталось лишь покинуть это место и предстать перед Тираном.

Голод и жажда убийств всё ещё бушевали внутри, и Ворен мысленно взял себя в руки. Он найдёт выход из этого лабиринта, преклонит колени перед Гуроном Чёрное Сердце и поклянется ему в верности. Другие Красные Корсары склонятся перед ним, Чемпионом Тирана.

С его губ вновь сорвался истеричный смешок.

- Чемпион Тирана, - произнёс он вслух. - Склонитесь перед Чемпионом Тирана.

Он шёл вперёд, понимая, что опасности не осталось. Стены оставались стенами, а пол не тёк под ногами. Место застыло, и Ворен заставил себя вспомнить, как он вообще попал в Сдвиг. Бой открыл путь в этот кошмарный мир и расшевелил заточённых внутри демонов. И теперь они были усмирены, как сердца, бившиеся в грудях его бывших братьев по оружию. Это была приятная мысль. Ворен шёл вперёд, упиваясь собой и победой. Он увидел впереди люк и узнал его. Выход из Сдвига в Зеницу Ада.

Ворен опустился на колени, опираясь на меч, и тихо произнёс благодарственные слова Фулгриму за то, что он позволил ему зайти так далеко.

Я не подведу тебя теперь, отец мой.

Ещё несколько шагов привели его к широкой арке, и Ворен вошёл в зал, совершенно неотличимый от того, через который он попал сюда.... дни или считанные часы назад. Во всех важных отношениях эти залы были совершенно неотличимы, и Ворен даже задумался, а уходил ли он отсюда?

Он прошёл через комнату, положил руки на колесо люка, легко его повернул и распахнул дверь.

На пороге стоял воин, одетый в треснувшие и разбитые красные доспехи. В руках его был силовой топор, и Ворен замер, резко остановившись.

- Феддей? - мгновение недоверчивого изумления быстро уступило место простым инстинктам. Гнев наполнил Ворена, и бледное лицо его побагровело от ярости.

- Нет. Но, полагаю, ты его убил, чем оказал мне услугу. Я не хотел убивать своего брата, но мы договорились, что один из нас должен уйти отсюда победителем.

- *Шеар?* - и внезапно всё встало на свои места. Шеар *ранил* брата в схватке в вестибюле. Феддея убил не он, а Ворен. Да, это была тяжёлая ошибка, и теперь Красный Корсар стоял между ним и заслуженной победой.

- Не подходи ближе, Ворен. Ты проиграл. Тебе осталось лишь склониться перед Чемпионом Тирана.

- Нет!

Со сдавленным, полным ярости криком Ворен бросился вперёд.

Шеар отцепил болт-пистолет и начал стрелять. Выстрелы выбили куски из доспехов Ворена, заставив его отступить. Смех корсара эхом разнёсся вокруг, словно петлёй сжимаясь вокруг бывшего легионера.

- Не расстраивайся ты так, Ворен. В знак благодарности за достойное развлечение я не убью тебя сейчас. Благодаря... - Шеар шагнул назад, наружу. - Благодаря моему новому положению Чемпиона, у меня есть определённый выбор. Поэтому я отдаю тебе Сдвиг. Присоединяйся к другим тварям и зверям, что рыщут внутри. Спустя дни он поглотит твой разум, а возможно и тело. Но только представь, каким ты станешь испытанием для будущих воинов, - усмешка промелькнула по усеянному оспинами лицу. - Возможно, так ты найдёшь идеальную схватку, которой так отчаянно ищешь. Прощай, брат.

Такой яд в последнем слове. Такая ненависть. Такое отвращение и отторжение. На короткое мгновение Ворен мог лишь изумлённо глотать воздух, а затем Шеар захлопнул люк, а снаружи раздались раскаты смеха. Звук закрывающегося на другой стороне замка вырвал легионера из раздумий, и он моргнул.

- Нет, произнёс он вслух, яростно трясая головой. - Нет, нет, нет! Невозможно! Я - Чемпион тирана! Я достоин этой чести, а не ты!

Он бросился к люку и начал бить, вновь и вновь. Он был в идеальной гармонии с металлическим звоном ударов латниц по двери. Бил, бил, и бил, но не появилось даже вмятины.

Ворен пытался найти вокруг хоть что-то подходящее, но не видел ничего, а потому снова и снова бросался на дверь. Тщета и отчаяние наполняли его мысли, когда тело, содрогаясь в конвульсиях, билось о барьер между этим местом и реальным миром. Возможно, реальный мир был *здесь*?

Возможно, что Ворен продолжал так биться минуты. А возможно часы. Его чувство времени давно исчезло. Войдя в Сдвиг, он утратил почти всё. Время, восприятие, хватку реальности. Из всех чувств у него осталось лишь ощущение себя.

Я - Ворен Авидий. Я - сын Фулгрима, воин Детей Императора. И честь бытия Чемпионом Тирана по праву моя.

Выплеснув свою жгучую ярость, Ворен сполз по люку, вцепившись в лицо в безумном горе. Вместе с углями гнева погас и свет в зале.

Тьма. Повсюду тьма.

Я - Ворен Авидий. Я - сын Фулгрима.

Он повторял это вновь и вновь, словно мантру, отчаянное соглашение между неведомыми и незримыми силами в надежде сохранить себя. Но и этот покой покинул его, и Ворен поднялся на ноги.

Нечто глубоко в Сдвиге взывало к нему, и он вглядывался в непроницаемый мрак. Там что-то было. Возможность. Нечто, чего он ещё не испытывал. Шеар обрек его на судьбу, что была хуже смерти, но даже в ней было обещание. Обещание исполнения предназначения.

Я - вечный воитель. Сдвиг - вечное поле битвы.

Когда Ворен отошёл от люка и направился в бесконечную тьму, по его телу растеклась дрожь удовольствия.

Я - сын Фулгрима. И я...

Где-то во тьме он услышал такой знакомый шум.

Перестук.

Ворен улыбнулся. Улыбка была безумной усмешкой воина, который навсегда оставил надежду вернуть рассудок.

- Склонитесь перед Чемпионом Тирана... - прошептал он, исчезая во тьме.

Источник —

[https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Чемпион_Тирана_-_The_Tyrant%60s_Champion_\(рассказ\)&oldid=7577](https://wiki.warfrog.wtf/index.php?title=Чемпион_Тирана_-_The_Tyrant%60s_Champion_(рассказ)&oldid=7577)

Эта страница в последний раз была отредактирована 31 октября 2019 в 08:26.